

ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХРОНИКИ БЫХОВЦА

Е. Н. Руденко

12. Плигина, Е. С. Корпус PR-текстов: эволюция системы жанров / Е. С. Плигина // Медиареальность информационного общества: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 15-летию Ин-та телевидения, бизнеса и дизайна, С.-Петербург, 6–7 декабря 2012 г. / под ред. Н. А. Гуровой. Санкт-Петербург, 2012. С. 40–42.

13. Ромашова, О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) / О. В. Ромашова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5(48). – С. 127–130.

14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – 696 с.

15. Трофимова, О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): дис. ... докт. филол. наук: (10.02.01) / О. В. Трофимова. – Тюмень, 2002.

16. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности: пособие для студентов фил. фак-тов вузов / А. Е. Супрун // Минск, 1996.

17. Шептухина, Е. М. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. / Е. М. Шептухина, И. С. Герасимова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – № 5. – С. 41–51.

18. Шептухина, Е. М. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности / Е. М. Шептухина, О. А. Горбань // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 5(29). – С. 7–18.

Рукопись, получившая впоследствии название *Хроника Быховца*, датируется второй половиной XVI – началом XVII века; автор ее собрал и синтезировал все более ранние белорусские летописи, упорядочил сведения и изложил их последовательно, стройно и художественно. Рукопись была найдена в 1830 г. в библиотеке Быховца в Волковысском уезде учителем Виленской гимназии Ипполитом Климашевским, который передал рукопись Теодору Нарбуту. Нарбут в 1846 г. издал *Хронику (Pomniki do dziejów litewskich)*, а рукопись впоследствии была утеряна. В 1907 г. *Хроника* была издана еще раз с дополнениями, исправлениями и комментариями. *Хроника Быховца* опубликована в *Полном Собрании Русских Летописей* (Москва, 1975. Т. 32. С. 128–173) по изданию 1846 г., а также издательством „Беларускі кнігазбор” в 2001 г. (*Беларускія летапісы і кронікі*, Менск 2001, <http://www.bk.knihi.com>).

Издание 1975 г. максимально приближено к оригиналу; оно вообрало все сделанное в 1846 и 1907 гг.; сохранено написание текста латиницей; указана первоначальная нумерация страниц рукописи – эта нумерация была отмечена в издании 1846 г.

Современное издание представляет собой вольный перевод на архаизованный белорусский язык, текст передан кириллицей. Утраченные фрагменты *Хроники* здесь подобраны в общий текст – в издании 1975 г. такие фрагменты даны в сносках со ссылками на летописи, по которым они восстановлены. Помимо названных изданий, текст *Хроники* переводился на русский язык (*Хроника Быховца*, Москва 1966) и на литовский (*Lietuvos Metraštis. Vycoo Kronika, Vilnius 1971*).

Изначально *Хроника Быховца* написана цельно, без какого бы то ни было разбиения и структурирования, а в издании 2001 г. она разделена на 66 отдельных повествова-

ний – „прыпавесцей” – с подзаголовками. В данной статье цитируется издание 1975 г. как наиболее близкое к оригиналу.

Белорусские хроники, в том числе и *Хроника Быховца*, фактически являются летописями и сохраняют все особенности жанра. Повествование ведется хронологически, по годам, охватывается типичный для летописей круг тем.

Наибольшее внимание (чисто количественно) уделено событиям в княжеских семьях: смертям, свадьбам, рожденьям и т. п. Здесь есть весьма характерные фрагменты, даже хрестоматийные, например *Пра пняцѣх сыноу Романовых*, а таксама пра герб Погоня: «[Ławrasz] rek panom swoim: „[...] diadka moy Narymont, koli seł na Welikom kniastwie Litowskom, herb swoy Kitawra zostawił bratij swoiej, a sobi wdełał herb s z e ł o wika na koni z meczem, a to znamenuiuczy czerez tot herb pana dorosłoho, chto by meł boronit meczem ouczynny swoiej, a pre to oberyte sobie hospodara dorosłoho, chto by meł boronity toho państwa, Welikoho kniaźstwa Litowskogo».

Широко представлена также тема войны. Войны велись самые разнообразнейшие, и если говорить только о внешнеполитических событиях, а не о бесконечных междоусобных стычках, то наиболее часто воевали с „московцами” и с татарами. Среди военных эпизодов есть масса весьма примечательных как в событийном, так и в языковом отношении. Вот, например, свидетельство о возможных причинах военных конфликтов: «*Leto szest' tysiacznoie dewiatsot desiatoie (z. 1402) m[iesia]ca junia semoho dnia izhibe słońce i pokryło łuczy swoi, treteie hodyny uszedczu słońcu, kak obedni poiut, y zvezdy iawilisia kak w noczy y swetyli try hodyny. Pośle ktoroho ż znaniem stalosia tak welikomu kniaziu Witoltu: buduczy w pryjaźni so ziatem swoim welikim kniazem Wasiliem Dmitryewiczom moskowskim, y stalosia tak. Mużyki moskowskija pryszodczy pod Putywl y na Tychoy Sosnę pohromili sewrukow witoltowych, wziali u nich dwa bobry a try kady m e d u. Y on posyłał do welikoho kniazia moskowskoho, aby winnych obyskawszy pokaznił, a szkodnoie sewrukom ieho oprawity, y kniaź weliki moskowski to w nedbałost' położył. Y kniaź weliki Witolto ne chotiaczy toho terpet', sobrawszy wojska swój y poszoł na protywkę welikoho kniazia moskowskoho, mstiaczy*

obidy swoiej, y mnoho požoh y powoiewał i poplenił okoto reki Uhry y Oki [ПСРА: 71].

Не менее интересны и выразительны речевые характеристики участников военных событий: «*Pan Rutwianski [...] potkał korola w Styrce, bo sia w łaźni mył. Y korol, zapłakawszy, rek: „Pane Rutwianski, wy sia w łaźni wodoiu myli, a moi wemyi słuhi litwa, w rukach nepryiatelskich krowiu sia obmywaiut”*» [ПСРА: 118].

Иные внешнеполитические события, кроме войн, менее интересны летописцу – соответственно, им уделено меньше внимания. Тем не менее, имеющиеся фрагменты этой тематики очень интересны, здесь автор Хроники показывает себя как выдающийся мастер детали (это свойство его дарования часто проявляется на протяжении всего текста, см., например, приведенную выше фразу о солнечном затмении). Приведем отрывок из повествования о коронации Витовта: «*Hde ż cesar chrystyjanski, na tot czas buduczy y koralem uhorskim y czeskim, Żygimont, u Witolta był, y korol polski Jagoyło, brat Witolto, y korol duński, y car perekopskij, y welikij kniaź rezanskij, y welikij kniaź moskowski, ziat' Witolto, y kniaź weliki twerski Borys Alexandrowicz, y mistr pruski y lifjantski, y kniaź Odojewski, y Peremysziski, y Nowoselskiie, y wojewoda wołoski, y posly welikije od Joana Paleoloha cara hreczeskoho, y kniaźę mazoweckoie, y innych kniaźat y panów chrystyjanskich i rozmaitych hostey mnoho.*

Y koli tyje hosty u welikoho kniazia Witolta byli, y kniaź weliki Witolto dostatek dawał im weliki, y wychożywało na nich obrokow na każdy deń: medu syczenoho sem sot boczek, okrom muszkatelnych win y małmazey, y innych pitey rozmaitych; a jałowic sem sot, baranow, wewrow sem sot, żubrey po szestdesiat, łosey po stu, kromę innych rozmaitych zweryn i innych mnohich mias y domowych potrzeb; y derżał tych hostey weliki kniaź Witolto w sebe sem nedeb» [ПСРА, с. 81-82].

Внутриполитические события (кроме упомянутых выше событий в семьях князей), в первую очередь междоусобные войны, освещаются гораздо подробнее, чем внешнеполитические. Войны между князьями или наследниками, а также тематически специфические для белорусских летописей сюжеты, посвященные взаимоотношениям князя и шляхты,

весьма живописны. Это и целые фрагменты Хроники, и отдельные фразы:

«[...] *korola polskoho y uhorskoho, brata ieho, panowe lackije ne naszli w tuiu sem hod, kak ieszcze zhib na bitwie tureckoy, a Koruna wdoweta*» [ПСРА: 112].

Характерно, что такие отрывки колоритны и в языковом отношении (как в случае выше), и с точки зрения способа представления событий: «*Y na druhi hod pryiedet z Wołoch kniaz Swidryhayło, diadia welikoho kniazia Kazimirow, kotory u Wołoszech był sem hod, owcy pastwił, wbehszy odknia[zia] Zygimonta [...]*» [ПСРА: 110].

Современный читатель, пожалуй, назвал бы автора Хроники искусственным в риторических упражнениях и склонным к внутренней, затекстовой иронии.

Такое же внимание, как и политическим событиям, уделяется в *Хронике Быховца* событиям религиозным: языческим и христианским обрядам, смене язычества христианством.

Особое место в *Хронике* занимают фрагменты, посвященные основанию новых поселений и освоению новых мест. Именно на таких фрагментах я хотела бы остановиться подробнее.

В *Хронике Быховца* тема „освоение и номинация новых мест” присутствует в 10 „прыпавесцах”, причем присутствие это неравнозначное: от „прыпавесцей”, полностью посвященных данной теме, до кратких фрагментов в рамках „прыпавесцей”, посвященных другим темам. В целом же упоминаний об основании новых поселений и освоении новых мест 24 с учетом таких кратких однофразовых информаций, как: «*kniaz Borys wczynił horod na imia swoje na rece Berezyni i nazwał ieho Borysom*» [ПСРА: 8]; «*Troyden pak poumet doczku wo kniaziaty mazoweckoho, y meł s neiu syna reczenoho Rymonta. Y koli syn ieho Rymont dorostał let swoich, y otec ieho Troyden dał ieho dla nauki jazyka ruskoho do Lwa Mstysławicza, kotory założył horod wo imia swoje Lwów*» [ПСРА: 19–20, 22].

Естественным образом фрагменты на тему „освоение и номинация новых мест” сконцентрированы в начале Хроники (первой ее четверти, на сс. 128–139 из 128–173 по из-

данию 1975 г. или с. 1–36 из 159 страниц первоначального текста).

„Прыпавесці”, посвященные основанию новых мест, касаются времен легендарных, поэтому точность тут весьма относительна, что, впрочем, характерно для летописания об отдаленных событиях в целом.

Лексика этой части Хроники Быховца более архаична, чем в других ее частях, поскольку касается самых ранних событий, а следовательно, такие фрагменты последовательно переписывались в более поздние хроники из более ранних. В частности, известный фрагмент о бегстве князя Палемона из Рима взят из летописи Стрыйковского (в самой Хронике Быховца этот фрагмент не сохранился), есть прямые вставки из Познанской, Ипатьевской и других летописей.

Какова общая схема построения „прыпавесцей”, посвященных основанию новых мест, их „вертикальная прототипическая структура”, если говорить в терминах популярного ныне когнитивно-дискурсивного подхода?

Субъектом освоения новых мест и основания новых городов, главным действующим лицом таких „прыпавесцей” всегда является князь или член княжеской семьи: сын князя, о котором шла речь в предыдущем фрагменте Хроники, или его брат. Обязательные ситуативно-предикатные составляющие такой „прыпавесці” следующие: субъект перемещается в пространстве, находит подходящее место, место нравится субъекту, субъект основывает поселение, номинирует место, закрепляется на новом месте.

Рассмотрим подробнее способы конкретной реализации данной схемы, пути ее распространения, лексическое наполнение фрагментов.

Главный герой отправляется в поход. Причины передвижения (если они эксплицированы) могут быть различными: бегство от врагов, поиск новых мест для независимого княжения, „раздача” их членам княжеского рода или охота: «*A kniaz weliki Gidymin, prohnawszy kniazey ruskich, y ot nemec zemlu w pokoiwszy, y panował mnoho let w pokoiu. Y nekotoro ho czasu poiechał kniaz weliki Gidymin so stolca swojeho Kietowa w łowy za piat mil, za reku Weilu*» [ПСРА: 30].

Глаголы движения в таких фрагментах не отличаются разнообразием: преимущественно это формы и дериваты лексем *poyty*, *poiechaty*: *poszol morem*; *doszli celoho Nemna*; *poczal wychodyty za reku Weilu w zemlu Zawelskuiw, wszedszy w tuju reku Dubisu* и под.

Перед походом агенс-князь может проводить какие-либо приготовления: «*A kniaza imenem Palemon [...] zabrawszysia zo wsim, y pry nem bylo piatsot semen szlachty rymskoie, [...] poszol morem mezy zemli y wziął so soboju odnoho astronoma, kotory astronom znał sia po zwizdach*» [ПСРА: 1].

Во время путешествия князь и его спутники обнаруживают меyste welmi choroszo (событие обозначается глаголом *(z)nauty*), причем место должно непременно понравиться (*onoie meszkanie ich nad tymi rekami wielmi s i a im spodobało, to zlubiwszy...*), что или не аргументируется, или объясняется небывалыми природными красотами: «*[...] wszedszy w tuju reku Dubisu, y nad neiu naszli hory wysokija, | | y na onych horach równiny welikija y dubrowy roskoszny y rozmaioie użytosty napołnennych, wo zwerech rožnoho rożaju, to jest nayperwey turów, żubrów, łosey, oleney, sam, rysey, kunie, lisic, bielok, homostajew i innych rozmaitych rożajew. Y tu też w rekach welikiju ożytost ryb nepospolitych, iż tolko tyie ryby, kotoryie se w tych rekach rodet, ale množestwo ryb rozmaitych a dywnych prychodiat z mora*» [ПСРА: 1].

«*[...] nayde horu krasnu y równinami welikimi oblehłuiiu y obfitostiami napołnennu- iu, y spodobałosia iemu tam, y on tam poseliłsia*» [ПСРА: 19].

Князь основывает город (*wczynił (sobi), zarubił horod*) и дает имя новому поселению (*nazwali tuiiu zemlu Żomoydzkaja zemla; dał imia; nazwał imenem*). Часто топоним связан с именем основателя: «*Bork wczynił horod na rece Jure, y złożono imia toho kniażaty pospol z rekoii, iż imia rece Jura, a kniażaty Bork, y nazwał toy horod Jurbork*» [ПСРА: 2]; «*A seredni syn Kunos pryszol na ustie reki Newiaży, hde ona wpadaiet w Nemon, i toy wczynił horod, i nazwał ieho imenem swoim, Kunosow horod*» [ПСРА: 3].

Возможна иная, иногда весьма подробная этимология места: «*Y prozwał tot Kiemus bereh iazykom swoim włoskim, po łatine Litus, hde sia ludy množat, a truby, szto na nich ihraiut,*

tuba, y dał imia tym ludem swoim po łatine, złożywszy bereh s truboiu Tistubania. Y prostyi lude n e umeli zwaty po łatine y poczali zwaty prosto Litwoiu. Y od toho czasu poczalo sia zwaty państwo Litowskoie y množyty od Żomoyty» [ПСРА: 4].

Основание поселения может сопровождаться живописными подробностями, впоследствии перерастающими в легенду: «*Po małych czasech poiechał pośle toho kniaż weliki Gidymin w łowy od Trok czotyry mili, y nayde horu krasnu nad rekoiiu Wilneju, na kotoroy znayde zwera welikoho tura y wbijet ieho na toy hory, hde y nuni zowut Turja hora. Y weimi było pozno do Trok jechaty, y stanet na łuce na Szwintorozie, hde perwych welikich kniazey zżyhali, i obnoczowa. Y spiaczy iemu tam, widy son, szto na hore, ktoruiiu zwali Krywaja, a teper Łysaja, stoił wołk żelizny welik, a w nem rewet, kali by sto wołkow wyło. Y oczutywsia ot sna swojego y reczet worożbitu swojemu imenem Lezdeyku, kotory był znayden w orłowi hnezde, y był tot Lezdeyko u kniazia Gidymina worożbitom y najwyższym popom pohanskim. Widich dey son dywny, y spowida iemu wse, szto sia jemu wo sni widyło, y tot Lezdeyko worożbit recze hospodaru: „Kniażę weliki, wołk żelezny znamenuiet, horod stołeczny tut budet, a szto w neho wnutry rewet, to sława ieho budet słynuty na weś swiet”. Y kniaż weliki Gidymin na zawtryie ż, ne odieżdżaiuczy, posłał po ludy y założył horod odyn na Szwintorozi, Niżni, a druhi na Krywoy hore, ktoruiiu nuni zowut Łysoiu, y nareczet imia tym horodom – Wilnia*» [ПСРА: 30-31].

Приведенный отрывок интересен и показателен не только сам по себе, но и в связи с характеристикой Хроники Быховца в целом. Весь текст пронизан внутритекстовыми связями и ссылками на предыдущие события, что несвойственно другим, в частности более ранним, летописям. Хроника Быховца – объемный памятник (159 страниц по первоначальной нумерации), и такие связи организуют его в единый гипертекст. События, описанные в предыдущем фрагменте и связанные с основанием Вильни, упоминаются в Хронике еще раз, после объединения Великого княжества Литовского с Польшей (по изданию 2001 г. фрагмент Пра задзіночанне шляхты літоускае з польскімі панамі, а таксама пра смерць вялікага князя Вітаута): «*[...] kniaż weliki Witolt cesarey i wsich tych hostey, kotoryi na tom zjezde byli,*

darowawszy znakomitymi y mnohocennymi dary, y odpustył. Hde z mezy inszymi dary kniaź weliki Witolt darował cesara rohom welikim turim, toho tura, szto kniaź weliki Gidymin wbił na hore u Wilni, kotoruii teper zowut Turjeiu horoiu» [ПСРЛ: 85].

Истории об освоении новых мест и основании новых поселений имеют стандартную концовку: место расширяется, княжеский род прирастает: *Kniaź panował tam, sia począł rozmnożaty; tam sia poselili (oseli) y poczali rozmnożatysia.*

Тематическая и хронологическая общность таких фрагментов позволяет исследовать их лексический состав как единое целое. В настоящей статье представлены некоторые результаты исследования глагольной лексики.

В обозначенной части Хроники Быховца встречается порядка 350 глаголов. Из них пятая часть в современном белорусском языке не употребляется вообще, преимущественно это дериваты общеславянских корней (*rekti, stretiti, obratyti sia* и др.: *narecze imia jemu (horodu) Nowyie Troki* [ПСРЛ: 33]), большая часть которых сохранилась (с возможными изменениями в семантике) в современном русском языке (*slyszati, derzati, yskati* и др.: *slyszali hospodara swoieho, iz utek do Brańska* – [ПСРЛ: 29]), или в современном польском языке (*opatrzyli, dokonali (sia)* и др.: *opatrzone bylo dobrze to misto; dokonat sia rod kniazaty rymaskoho Palemona* [ПСРЛ: 17]), не сохранилась в неизменном виде ни в белорусском, ни в соседних языках (*zreti* и др.).

Глаголов, не претерпевших формальных или семантических изменений (кроме системы формообразования) в сравнении с современным белорусским языком, в два раза больше, чем исчезнувших (140). Фактически, это важнейшие глагольные лексемы для любого языка: *baczyti, byti, choteti, iti, meti* итд.: *Onoie mezskanie ich nad tymi rekami sia im spodobalo i nazwali tuii zemlu Żomoydskaja zemla* [ПСРЛ: 2]. Тут *spodobalo sia* и *nazwali* неизменны по сравнению с современным белорусским языком, а отглагольное существительное *mezskanie* связано с современным *памяшканне*. Характерно, что два из трех глагольных образований в высказывании польского происхождения.

Таким образом, большая часть рассматриваемой глагольной лексики не представляет интереса для семантической

го исследования. Что же представляет собой оставшаяся, меньшая часть? Именно на примере этой части выбранных глаголов мне хотелось бы продемонстрировать некоторые приемы, которые представляются уместными в диахроническом исследовании.

Изменение семантики части глаголов (65 единиц) связано с типичными для глаголов деривационными процессами:

- префиксацией – более ранний и современный глаголы имеют разные префиксы, но одинаковое значение: *podati: ne podali horoda* – совр. бел. здаць; *znesti: znese z Nowhorodka stolec do Kiernowa* [ПСРЛ: 18] – совр. бел. перанесці, современный глагол имеет префикс, а более ранний – нет (*kazal* – совр. бел. сказаў, *potkal* – совр. бел. спаткаў *dal za neho doczku swoju* [ПСРЛ: 32] – совр. бел. аддаў за яго дачку сваю),
- суффиксацией – в старобелорусском языке употреблялся суффикс со значением многократности, а в современном – нет (*chożywał*),
- наличием/отсутствием возвратной частицы: *został panem* [ПСРЛ: 28] – совр. бел. застаўся панам; *zmówiwszy meży soboiu* [ПСРЛ: 34] – совр. бел. змовіўшыся між сабой,
- комбинацией разного рода аффиксальных несоответствий: *y on ostawszy im hospodarem, y wzemszy ich...* [ПСРЛ: 21] – совр. бел. і ён, застаўшыся ім гаспадаром і ўзяшы іх...

Небольшая часть глаголов (порядка 30 из выбранных) имеет иное управление по сравнению с современным белорусским языком при неизменной семантике: *bilisia z soboiu* [ПСРЛ: 15] – совр. бел. біліся між сабой; *dał syna dla nauki* [ПСРЛ: 22] – совр. бел. аддаў сына ў навуку (вучыцца); *Gasztolt... sia narodyl s Krumpia* [ПСРЛ: 31] – совр. бел. у Крумпія нарадзіўся Гаштольт; *romstyw krow otca swoieho* – совр. бел. адпомсціць за кроў бацькі свайго; *ne otnimal ot nich otchyn* [ПСРЛ: 29] – совр. бел. не аднімаў у іх вотчыны; *doszli celoho Nemna, hde wżo on sam w odnom weś mesty teczet* – совр. бел. дайшлі да адзінага Немана, дзе ужо ён сам увесь у адным месцы цячэ; *y tym jeha whodył* [ПСРЛ: 13] – совр. бел. і тым яму ўгадзіў і др.

Незначительная часть отобранных глаголов имеет нетипичную для носителя современного белорусского языка лексическую сочетаемость при – в общем и целом – неиз-

менной семантике. Приведу в пример наиболее „чистые” случаи: *ime službu od tebe* [ПСРА: 14] – совр. бел. меў службу ад цябе; *sotworym mir z Wyskintom* – совр. бел. створым мір, памірымся з Выскінтам; *woznessia sławoju r hordostyiu welikoju* [ПСРА: 15] — совр. бел. узнёсся славай і гонарам вялікім, заганарыўся; *był ne w lubwi* [ПСРА: 17] – совр. бел. быў не ў любві, варагаваў.

Естественно, случаи, когда представлено лишь одно из названных отличий от современного белорусского языка – деривационное, поверхностно-грамматическое, лексико-дистрибутивное, скорее исключение, чем правило: у каждого слова своя история и, соответственно, свой „набор” изменений, накопленных до сегодняшнего дня.

Например, в употреблении типа *zmerli jemu obadva braty* [ПСРА: 23] – совр. бел. памёрлі ў яго абодва браты – имеет место и варьирование префикса, и колебание в глагольном управлении; *miewał mnoho wałki* [ПСРА: 32] – совр. бел. меў, веў многа войн) *dorastał syn jeho Rymont let swoich* [ПСРА 22] – совр. бел. дарастаў сын ягоны Рымонт да гадоў сваіх – и употребление глагола с суффиксом многократности, и нетипичная по сравнению с современным белорусским языком лексическая сочетаемость.

Еще несколько интересных и специфичных случаев:

Глагол *prynesti*: «*Treniata że posław posła po brata swoiego po Towtywiła do Potocka, reka tako: „Ty, brate, pryiedy semo, rozdeliwo sobi zemlu y dobytek Mindogow”. Onomu že pryiechawszu k nemu, y nacza dumaty Towtywił, chotia ubity Troniatu, a Troniata sobe že dumasze na Towtywiła. Y paki prynese dumu Towtywiłowu bojaryn ieho Prokopij Połoczanin. Treniata že poperedyw y ubi Towtywiła, y nacza kniażyty odyń*» [ПСРА: 16].

Глагол *prynesti* в данном случае имеет значение ‘сообщить о, донести о’, это значение развилось вследствие расширения лексической сочетаемости, а именно присоединения в качестве прямого объекта лексемы *duma* ‘злой умысел’. Такая сочетаемость стала возможной благодаря аналогии с семантическим развитием глагола *donesti*, где семантика прямого объекта развивалась от ‘материальный объект’ -> ‘информационный объект, сообщение’. В рассматриваемом

контексте в роли прямого объекта глагола *prynesti* выступает слово, которое не обозначает ни материальный объект, ни единицу информации.

Глагол *oboslati (sia)*: «*Kniaź weliki Narymont ... obosłał bratiu swoju ... Y sobrawszysia z bratyieiu y so wsimi ludmi swoimi, y potiahnuł na brata swojeho kniazia Dowmonta* [ПСРА: 21]; *kniaź Stanisław kijewski, oboslawszysia z kniażem Olhom pereslawskim y z kniazem Romanom brańskim y z kniazem Lwom wotynskim, ... y sobralisia wsi*» [ПСРА: 28].

В данном случае семантику глагола меняет именно семантика приставки, сегодня с этим глаголом не употребляющейся: не просто ‘послать сообщения’, а ‘послать сообщения всем нужным в данном случае адресатам’, т. е. ‘объехать, охватить всех’, чем и вызвано управление аккузативом в нетипичной функции адресата. Наличие/отсутствие возвратной частицы в данном случае не несет никакой семантической нагрузки и поэтому свободно варьируется.

Глагол *wpokoiti*: «*Y [Gedymin] wpokoіwszy zemlu Żomoytskuiu ot nemcow, uposzoł na kniazi ruskija*» [ПСРА: 27] ‘успокоив землю Жомойтскую от немцев, пошел на князей русских’.

Изначальная семантико-синтаксическая структура высказывания такова: (Гедимин [S] каузировал [P]) [Cause] -> (немцы [Pac] ушли [P]) [Cause] -> (на Жомойтской земле [L] спокойно [P]).

В данном случае имеет место сложный эллипсис глубинной структуры, а поверхностная „непривычность” для глаза носителя современного белорусского языка обусловлена наличием при глаголе неодушевленного существительного в качестве пациенса, в то время как в современном белорусском языке распространен одушевленный пациенс и эллипсис имеет другой вид: Гедымін супакоіў немцаў – (Гедимин [S] каузировал [P]) [Cause] -> (немцы [Pac] спокойны [P]).

Строго говоря, семантическая интерпретация высказывания в данном случае требует всего арсенала средств анализа глубинных структур и современного анализа дискурса. Часть высказывания (на Жомойтской земле [L] спокойно [P]) означает (на Жомойтской земле [L] имеет место ситуация отсутствия изменений [P]), нежелательных для Гедимины, при-

чем последняя часть носит прагматический характер и восстанавливается из контекста в целом.

Остановимся на случаях, когда глагол в Хронике Быховца отличается от современного только лексико-семантически, то есть употребляется в значении, отсутствующем в современном белорусском языке. Таких глаголов из всех отобранных пятая часть (порядка 70), и для их анализа весьма продуктивным представляется арсенал прототипической семантики.

Основные характеристики прототипических категорий общеизвестны: 1) прототип – наиболее репрезентативный член категории, характеризующийся всей совокупностью категориальных признаков; 2) прототипические категории демонстрируют градицию прототипичности, не каждый член категории равно репрезентативен; 3) прототипические категории демонстрируют принцип фамильного сходства (А подобно В, В подобно С и т. д.); 4) прототипические категории имеют расплывчатые границы; 5) прототипические категории не могут быть определены посредством простого перечисления критериальных (необходимых и достаточных) признаков.

Полисеманты рассматриваются как прототипические категории, их семантическая структура имеет форму радиальной сети сгруппированных в кластеры параллельных, частично пересекающихся значений.

В Хронике Быховца глагол *ležati*, наряду с употреблением, возможными и в современном белорусском языке, употребляется в контекстах типа: *ležał kniaź Gidymin pod Kijewom mesiac* [ПСРЛ: 29].

Исторические словари древнерусского и старобелорусского языков, современного белорусского языка (Словарь древнерусского языка; Гістарычны слоўнік; ТСБМ) фиксируют для этого глагола систему значений, включающую 9 кластеров. Те из них, которые имеют отношение к приведенному контексту, таковы:

1. Лежать, находиться в лежащем положении (о человеке, животном); // располагаться на ночлег, ночевать; //будучи больным, лежать не вставая; //быть погребенным, покоиться. 2. находиться, располагаться на какой-л. поверхности

(о предметах); //(3 – ТСБМ) покрывать собой какую-л. поверхность. 3. (4 – ТСБМ) иметь местонахождение, быть расположенным где-л.; // располагаться где-л., на каких-л. позициях (о войске), стоять лагерем. 4. (5 – ТСБМ) находиться где-л., помещаться.

В системе значений выделены те, которые совпадают в современном и старобелорусском языках.

Важно подчеркнуть, что интегральной семей всех значений в рамках семантического кластера 1 является 'горизонтальный способ расположения', чем, собственно, состояние лежания и отличается от стояния как гетеронимического значения или просто нахождения, расположения где-л. как значения гиперонимического. Именно это значение приводится как наиболее вероятное праславянское в этимологических словарях. В рамках кластеров 2–4 эта идентифицирующая для семантики лежания сема отсутствует, т. е. нет ядерной семы, тем не менее все значения остаются в рамках категории-полисеманта на основании принципа фамильного сходства, а именно общей семы (не являющейся ядерной для данной категории) нахождения, расположения где-л. Контексты типа ст.-бел. *hde nuni horod Kame-nec ležyt* [ПСРЛ: 36] 'находится, располагается' возможны и для современного белорусского языка. И именно в рамках этого кластера развивается только в древнерусском и старобелорусском языке значение 'располагаться где-л., на каких-л. позициях (о войске)' при специфической сочетаемости: с субъектом – названием войска, военачальника, князя и т. п.

В связи с приведенным примером хочется повторить прописную истину, что новое значение рождается из употреблений, и поэтому, конечно, невозможно рассматривать семантические изменения в отрыве от изменений лексической сочетаемости. Кроме того, он позволяет увидеть, как соотносится теория прототипов, в частности, рассмотрение полисеманта как прототипической категории, с традиционными взглядами на семантические изменения.

Семантических диахронических изменений обычно выделяют 4: генерализация, специализация, метафора, метонимия.

В приведенном примере имеет место генерализация при семантическом развитии от кластера 1 к кластерам 2–4, т. е. когда нивелируется ядерный категориальный признак, и специализация (в пределах кластера ((3)4), когда посредством постоянных употреблений в определенном рода контекстах наращивается устойчивый дополнительный категориальный признак (лагерем, о войске)).

Такого же рода специализация имеет место в случае с глаголом чинити. И в древнерусском, и в старобелорусском языке этот глагол имеет предельно широкое значение ‘делать, осуществлять’ и разнообразную лексическую сочетаемость. См. в Хронике Быховца: *wczynił horod, zerkow, batwana* [ПСРА: 16 и др.], *wczyniły panowe tak* [ПСРА: 24 и др.], *wczynił perszym wojewodom ... hetmana* [ПСРА: 31], *uczynił prysiahu* [ПСРА: 29 и др.], *czynili ofiry, miłości, wesele, mir; czyniti walki, krowi prolitia, okrutenstwa, mnoho szkody, boj, mnoho zła, zemlu ich pustu, wtowu z nemcy, boj lut*. Т. е. значение глагола чинити самого общего свойства и его раскрытие, семантизация происходит именно путем той или иной лексической сочетаемости. Наиболее частотной была сочетаемость типа *walki, krowi prolitia, okrutenstwa, mnoho szkody, boj, mnoho zła* и под., поэтому сема ‘что-л. плохое’ как объектная закрепилась и привела к специализации значения в целом. В современном белорусском языке слово значит только ‘чыніць, рабіць нешта кепскае (суд, расправу, перашкоды і пад.)’, а также чыніць кудзелью.

Если семантическая генерализация осуществляется только при исчезновении категориального ядерного признака, то специализация – 1) при наращивании дополнительного категориального признака в рамках семантического кластера в категории-полисеманте (как в случаях с др.-рус., ст.-бел. лежати, совр. бел. чыніць), 2) при сохранении в диахронии только одного кластера в рамках полисеманта.

Например, ховати в старобелорусском языке имело значения ‘сохранять, беречь’: *chowal koźduiu recz panskuiiu* [ПСРА: 25]; *dewka bohóm swojm poszłubiła czystość chowaty* [ПСРА: 32, 33], ‘кормить, содержать’ (*chowal baskaki jehó*), ‘хранить в тайне, прятать’.

В современном белорусском языке хаваць употребляется преимущественно в последнем значении (предыдущие отошли к дериватам захоўваць, выхоўваць), в соответствии с ТСБМ оно развило свою разветвленную систему кластеров.

О метафоре, в том числе и когнитивной (концептуальной), написано очень много. Здесь хотелось бы только отметить, что если при генерализации или специализации ‘захватывается’ смежная концептуальная область, то при метафоре новое значение, развившееся посредством перенесения категориального признака, может относиться к весьма отдаленной концептуальной области, никак не связанной с областью-источником.

Примером метафорического развития значения может служить глагол сказити. В старобелорусском языке он употребляется в значении ‘испортить, испоганить, поломать’, см. в Хронике Быховца: *skazili zemlu ich, zkazilsia bolwan*. Современный белорусский глагол сказаць употребляется по отношению к семиотическим системам сказаць вобраз, сказаць сігнал и под., т. е. имеет место метафорический перенос из концептуальной области физического воздействия в сферу воздействия информационного.

Что касается метонимии как диахронического семантического изменения, то среди рассмотренных случаев метонимического развития глагольной семантики была отмечена только синекдоха, то есть метонимия всегда или генерализация, или специализация. Другие примеры не найдены ни в старобелорусском, ни в современном белорусском языке, кроме таких как ст.-бел. доказати ‘говорить’ ‘донести, сообщить’ -> ‘доказать, обосновать’, т. е. процесс доказательства всегда смежен с процессом говорения и является его специализацией.

Таким образом, историко-семантическое исследование требует гибкости и привлечения всего арсенала средств сравнительно-исторического метода, причем всегда нужно быть готовым к тому, что данный конкретный случай демонстрирует уникальность развития и не вписывается ни в какую модель или аналогию.

Литература

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Вып. 16. – Мінск, 1997.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XII вв.). – Т. 4. – М., 1991.

Список использованных сокращений

- ПСРЛ – Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 32. – М., 1975.
ТСБМ – Таумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1–5. – Мінск, 1977–1984.

**МАРКЕРЫ УКЛОНЧИВОСТИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЕЩЕ РАЗ
ОБ «ОДЕ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**

Л. И. Соболева

«Сломать человека – это еще не значит сломать поэта» [Сарнов 2005: 93]. «Ода» Осипа Мандельштама создана в январе-феврале 1937 года. Стихотворение включает семь двенадцатистрочных строф, написанных вольным ямбом. Но, как отмечает Никита Струве, уже в марте «...двузначные кивки в сторону Кремля исчезают окончательно» [Струве 1992: 82], а сам Мандельштам в том же году признается, «что это была болезнь, временное помрачение совести и рассудка» [Струве 1992: 82]. Бенедикт Сарнов в своей книге «Заложник вечности: случай Мандельштама» пишет, что из многочисленных суждений о мандельштамовской «Оде» Сталину «при желании...можно было бы составить целый том» [Сарнов 2005: 99]. Главный предмет спора – мотив: хотел ли поэт воспеть вождя или «...спасти жизнь ценой нескольких вымученных строф» [Сарнов 2005: 91]. Принимая в расчет особенность поэта Мандельштама, который не умел писать стихи «не самообнажаясь, не вытаскивая на поверхность, не выявляя в стихах весь запас своих подспудных, тайных впечатлений, идущих из подсознания, из самых глубин личности...» [Сарнов 2005: 98], попробуем показать, что текст «Оды» характеризуется уклончивостью.

Уклончивость как семиотическая универсалия. Сигналы лжи. Уклончивость языкового знака – это одна из универсалий естественной семиотики (человеческого языка), сформулированных Ч.Ф. Хоккеттом, которая означает, что сообщения могут быть ложными или бессмысленными с точки зрения логики [Хоккетт: 1970]. В работе «Лингвистика лжи» Х. Вайнрих перечисляет сигналы лжи, в том числе и такие, как декларация правдивости, проекция, чрезмерная аргументация, чрезмерная детализация [Вайнрих 1987: 85]. К сигналам лжи относятся и определенного рода бессмыслицы, назовем их «перевертыши», логически против-